

Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия

В.И. МУКОМЕЛЬ*

*Мукомель Владимир Изявич – заведующий, Сектор изучения миграционных и интеграционных процессов, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: mukomel@isras.ru.

Рост ксенофобии во всех ее проявлениях и, в первую очередь, в форме мигрантофобий, рассматривается в контексте социального устройства современной России. Низкий уровень межличностного, межгруппового и институционального доверия, размывающий традиционные ценности россиян, формирует новые групповые солидарности. В условиях мобилизационного общества такие солидарности направлены против «чужих», в первую очередь – против этнических мигрантских меньшинств.

Ключевые слова: ксенофобия, мигрантофобии, доверие, культура доверия, солидарности, насилие, агрессия, институты, социализация, молодежь, мигранты социальная исключенность

«Ксенофобия рождает ксенофобию, недоверие – взаимное недоверие»
П. Штомпка¹

«Катаклизмы – в истоке»
М.Я. Гефтер²

Ксенофобные настроения, всегда присутствующие в обществе³, получили широкое распространение в 2000-х гг. Опросы свидетельствуют, что в 2002–2013 гг. почти вдвое возросла доля респондентов, не чувствующих враждебность к представителям других национальностей, в 1,7 раза - испытывающих такую враждебность с их стороны [Левада-Центр (1) 2013].

Лозунг «Россия для русских», поддерживаемый не только русскими, но и представителями традиционных для России меньшинств, пользовалась в 2000-х гг. все возрастающей популярностью. Если в 2002 г. слоган «Россия для русских» поддержали, в той или иной мере, 45% респондентов, то в октябре 2013 г. - 66% опрошенных; только 19% отнеслись к нему отрицательно, полагая, что это настоящий фашизм - против 28% в 2002 г. [Левада-Центр (1) 2013].

Рост ксенофобии и межэтнической напряженности в обществе признается и специалистами, и политиками, и представителями масс-медиа. Различия состоят лишь в двух основных моментах: а) оценке специалистами распространенности ксенофобии в различных социально-демографических группах (альтернативные точки зрения: ксенофобия, расплываясь, равномерно поражает все социально-демографические группы versus ксенофобия более интенсивно распространяется в низших социальных слоях); б) обосновании причин роста ксенофобии: объяснения роста ксенофобии социально-

¹ [Штомпка 2012, с. 421].

² [Твардовский, Гефтер 2005, с. 7].

³ Ксенофобия «естественна», не естественно ее отсутствие. По замечанию Л.Д. Гудкова, «отсутствие барьеров между теми, кто считается большинством населения “нашими” и “не нашими”, равнодушие, апатия или слабость отталкивания от чужого... означали бы предельную атрофию социальных связей, аморфность отношений социальной и этнической солидарности...Представить такую аномическую ситуацию крайне трудно, если вообще возможно» [Гудков 2006, с. 31]. Признание наличия ксенофобии не является однозначно негативной оценкой состояния общества. Проблема заключается в том, насколько распространены ксенофобные настроения и в какой мере они угрожают социальной стабильности.

экономическими и политическими трансформациями российского общества, выглядевшие вполне здоровыми в 1990-х гг., сегодня не выглядят убедительными – общество адаптировалось к новым социальным реалиям, и дискурс поменялся – на смену «ресурсным», конкурентным обоснованиям, пришли культурные («утраты идентичности», изменения «культурного кода» и пр.), апеллирующие к взрывному росту численности мигрантов.

Против кого направлена ксенофобия? Есть ли различия в распространенности ксенофобий в различных социально-демографических группах и слоях? Если да, то *какие* социально-демографические группы и *почему* в наибольшей мере подвержены ксенофобии? Каковы глубинные, возможно, латентные факторы, обуславливающие рост ксенофобных настроений и обусловленной ими агрессией к «чужим»? Имеется ли связь между распространенностью ксенофобии и функционированием социальных институтов, социальным устройством? В какой мере – если таковая связь присутствует, – она является следствием конъюнктурных моментов, а в какой – результатом предшествующего развития российского общества? Какие вызовы необходимо купировать в первую очередь? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящена настоящая статья.

Объекты и дискурс ксенофобии

Ксенофобия в России имеет несколько измерений, из которых важнейшими являются: этническое (этнофобии), миграционное (мигрантофобии), религиозное и конфессиональное (исламофобия, в первую очередь) и гражданское (наличие/отсутствие российского гражданства)⁴. Преувеличенное значение этничности пронизывает многие аспекты общественных дискуссии по проблемам социально-экономической и политической жизни, а обсуждение социальных проблем, зачастую без всяких на то оснований, переводится в этническую плоскость. Этнофобии сегодня направлены, в первую очередь, на представителей «видимых меньшинств», визуально отличающихся от этнического большинства. На смену марксистскому экономическому детерминизму пришел этнический детерминизм.

Важную роль в формировании образа «чужого» играет его «пришлось»: даже принадлежность к этническому большинству не является барьером для мигрантофобий. (Что особенно проявилось в 1990-х гг., когда вынужденные переселенцы – в подавляющем большинстве русские – столкнулись с неприятием местного населения. «Пришлось», по-видимому, не менее важна, чем этничность: традиционные для данной конкретной местности меньшинства рассматриваются этническим большинством как «свои»). «Пришлось», накладывающаяся на принадлежность к этническому меньшинству, усугубляет антимигрантские настроения, а так как принимающее население сталкивается в основном с иноэтничными мигрантами, то и мигрантофобии имеют явную этническую этиологию.

Отметим два обстоятельства: во-первых, «пришлось» и гражданство являются подвижными, изменяющимися характеристиками, зависящими, соответственно, от срока пребывания (и сопутствующего «укоренения» мигрантов в общественном сознании принимающего населения) и одномоментного приобретения гражданства иностранцами. В отличие от них принадлежность к этнической группе, вероисповедание воспринимаются как принимающим населением, так и самими объектами ксенофобии как нечто неизменное («навязанная идентичность»). Во-вторых, гражданство мигрантов значимо для социальных практик на рынке труда, рынке жилья, в повседневных контактах мигрантов с принимающим населением и властями, но никак для общественного сознания: в последнем наличие российского гражданства не освобождает объект ксенофобии от предубеждений, связанных с этническим происхождением, национальность в обыденном

⁴ В связи с активизацией ЛГБТ-сообщества, наряду с традиционными фобиями, отмечается всплеск гомофобии.

сознании превалирует над гражданством («бьют не по паспорту...»). Объекты ксенофобии можно отобразить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1. Объекты ксенофобии

Проявления ксенофобии	Компоненты ксенофобии			
	Этничность	Пришлость	Гражданство	Религиозная (конфессиональная) принадлежность
Этнофобии	Видимые меньшинства	Иноэтничные мигранты	Иноэтничные иностранцы	Религиозные (конфессиональные) общины этнических меньшинств
Мигрантофобии		Мигранты (внутренние и внешние)	Иммигранты, внешние трудовые мигранты	Пришлые религиозные общины
«Чужестранность»			Иностранцы	Иностранцы, принадлежащие к религиозным (конфессиональным) меньшинствам
Религиозные (конфессиональные) фобии				Религиозные (конфессиональные) меньшинства

На диагонали *таблицы 1* представлены одномерные, простейшие формы проявлений ксенофобии и соответствующие объекты-подмножества – этнические меньшинства, мигранты, иностранцы, религиозные меньшинства. Учитывая наличие четырех измерений, следует отметить, что наиболее уязвимой группой будут являться представители мигрантских этнических меньшинств, не имеющие российского гражданства и исповедывающие религию (конфессию), не доминирующую в данной местности⁵.

Отчасти это так: россияне относительно толерантны лишь к приезжим из Украины, Молдовы, Белоруссии, визуально не выделяющимся в принимающем сообществе. В отношении других этнических групп у респондентов преобладает раздражение, неприязнь, недоверие (*таблица 2*).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья приезжих из ...:» (ответившие, %)

	Положительно, скорее положительно	Безразлично	Отрицательно, скорее отрицательно	Затруднились с ответом
Украины	49,7	32,2	14,7	3,4
Молдовы	37,2	33,0	24,4	5,4
Северного Кавказа	14,1	19,7	59,9	6,3
Государств Закавказья	19,3	23,6	52,6	4,5
Средней Азии	17,1	23,1	55,0	4,8
Юго-Восточной Азии	14,4	22,4	57,3	5,9

⁵ Среднеазиатские мигранты, выходцы из Азербайджана идеально, таким образом, подходят на роль «козлов отпущения» в подавляющем большинстве регионов России с небольшой долей мусульманского населения. Хотя исламофобия имеет ограниченный отклик в публичном пространстве, исследования свидетельствуют о росте антиисламских настроений в обществе.

Источник: МегаФОМ (2011)⁶

Объяснением того, что ксенофобные настроения по отношению к выходцам из Средней Азии уступают ксенофобии по отношению к выходцам из Северного Кавказа, а также к мигрантам из Юго-Восточной Азии, может служить как то, что поведение среднеазиатских мигрантов не столь уж и раздражает принимающее население, так и то, что слишком уж велика нетерпимость к выходцам из республик Северного Кавказа⁷. (Хотя они являются российскими гражданами и не обязательно исповедывают ислам).

Отношение к вышеназванным этническим группам не меняется многие годы, либо меняется незначительно [Мукомель 2005, с. 69, 77; Мукомель 2011, с. 37], за исключением мигрантов с Северного Кавказа – рост ксенофобии к ним несомненен. После событий на Манежной площади поддержка лозунга «Хватит кормить Кавказ» не опускается ниже 57% и в ноябре 2012 г. составила 65% [Левада-Центр 2012, с. 179].

При этом сторонники лозунга «Россия для русских» в одинаковой степени негативно относятся как к выходцам из Северного Кавказа, так и Средней Азии, Юго-Восточной Азии (ЮВА) и, чуть в меньшей мере, к приезжим из Закавказья: среди них отрицательно отнеслись бы к соседству с выходцами из этих государств от 76,9% (к соседству с мигрантами из Закавказья) до 80,1 % (приехавшим из Северного Кавказа), положительно отнеслись бы к такому соседству от 4,5% (соседство с выходцами Северного Кавказа) до 7,2% – к мигрантам из Закавказья [МегаФОМ 2011]. Столь же негативно эти респонденты относятся к тому, чтобы мигранты из других государств были их ближайшими коллегами по работе или их подчиненными – 56,8% и 53,6% соответственно; положительно относятся – 9,2% и 9,9%. (Однако и к мигрантам из других регионов России, независимо от их национальности, отношение соответствующее: не хотели бы их видеть своими коллегами 40,1% респондентов, подчиненными – 39,3%; положительно отнеслись бы 18,5% и 17,4% [МегаФОМ 2011]).

Рост ксенофобии в 1990-х объяснялся, во-первых, травматическим шоком, вызванным коренными социально-политическими и экономическими преобразованиями российского общества, во-вторых – ликвидацией сдерживающего, правоохранительного начала. По мнению Л. Гудкова, «социальный и национальный ресентимент стал одним из основных факторов, активизировавших, ожививших прежде подавляемую смесь ксенофобии и агрессивного изоляционизма», моральная и интеллектуальная депрессия вызвала усиление этнофобии, тупое остервенение ущемленных людей [Гудков 1999, с. 62; Гудков 2003 с. 42]. Ксенофобия, по его мнению, выступает «суррогатом гратификации», фобии изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию [Гудков 2000].

Что касается второго объяснения – ликвидации «социального запрета» (иногда увязываемого с возникшим идеологическим вакуумом [Путин 2007]), то имеется и иная точка зрения. Суть ее заключается в следующем: Советский Союз и советское общество были провозглашены высшим достижением человеческой мысли и практики, носителями идеалов, к которым должны стремиться все народы и культуры. Новая общность «советский народ» конструировалась на базе языкового и культурного приоритета русских, и советская идентичность могла успешно заменять этническую [Рыжова 2011, с. 96]. Ксенофобия имела место в СССР, но она принимала весьма специфические формы: «А. Малашенко подчеркивает, что в этом коренилась фундаментальная основа общей Ксенофобии с большой буквы, сакрализовавшая отторжение любого культурного, социального, духовного компонента, не соответствующего советскому стандарту. В

⁶ Опрос Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) проведен в октябре 2011 г. по заказу Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Опрошено 24500 респондентов в 1364 населенных пунктах 49 субъектов РФ. Автор благодарит НИУ ВШЭ за предоставленную возможность использования данных вышеупомянутого исследования, далее – МегаФОМ. (Результаты исследования опубликованы лишь частично).

⁷ Антикавказские настроения фиксировались еще в начале 1990-гг.: в октябре 1993 г. даже среди наиболее толерантных сторонников Е.Т. Гайдара 81% респондентов соглашались, что жители Кавказа злоупотребляют своими правами [Левада 1994].

официальной советской ксенофобии возникли специфические направления: религиозная фобия в виде атеизма; социальная фобия, выразившаяся в сталинской идее об обострении классовой борьбы, и этнофобии, в частности, антисемитизм. На бытовом уровне объектами этнофобии, помимо евреев, стали жители Средней Азии и Кавказа» [Солдатова, Макаруч 2006].

По мнению В.А. Шнирельмана, еще с конца 1930-х и вплоть до начала 1950-х гг. советская внутренняя политика «переориентировалась с классовой парадигмы на этнонациональную, т.е. с классового врага на этнического «Другого», причем это выражалось больше в практических действиях власти и меньше – в идеологии» [Шнирельман 2011, с. 45].

В 2000-х гг. рост ксенофобии сложно объяснить дискурсом кризиса и дискурсом травмы: население адаптировалось к социально-политическим и социально-экономическим реалиям. Вероятно, справедливо уточнение, что «ксенофобные высказывания лишь в незначительной мере являются прямой импульсивной реакцией на социальные напряжения. Напротив, они закрепляются в сознании значительных групп населения как общие ценностные установки и не исчезают после спада общественной возбужденности» [Леонова 2004, с. 84]⁸.

В результате адаптации россиян к новым реалиям практически сошли на нет – по крайней мере, в общественных дискуссиях – фобии утраты ресурсов, характерные для 1990-х гг. (за исключением опасений конкуренции за рабочие места и демпинга в оплате труда), столь же распространенные тогда, как и фобии утраты идентичности [Левада 2000, с.433]. Напротив, фобии утраты идентичности только усилились, однако изменился дискурс: масс-медиа и публичные политики предпочитают апеллировать к «культурной матрице», «культурному коду», «культурным скрепам» и т.п. Как следствие, россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро локальных сообществ⁹.

При этом культура понимается как этнически имманентная, хотя «идея врожденной культуры, национального характера и тому подобное в современной социологии либо полностью дискредитированы, либо сданы в архив» [Штомпка 2012, с. 243]. По справедливому замечанию Ф. Фукуямы, «...культура является не неизменной и вечной силой, а только процессом, формируемым политикой и историей» (цит. по: [Штомпка 2012, с. 243]). «Культурный расизм», заменяющий иерархию рас биологического расизма на представления о несовместимости «культур», вреде их смешения, сегодня более распространен, чем «классический» расизм [Оситов 2010, с.15].

Б. Парех указывает на несколько изъянов такого «культурного» дискурса применительно к мигрантам: даже если иммиграция является единственным источником культурного разнообразия, не следует ностальгически думать, что общество, бывшее гомогенным до иммиграции, станет таковым и после ее прекращения. Так как иммигранты принадлежат к различным религиозным, этническим и иным группам, сложно их «расиализировать» и игнорировать их различные ожидания, культурные ресурсы и способы отношений с обществом; разнообразие как результат иммиграции не обязательно глубже и более интенсивно, чем уже присущее в принимающих обществах, где имеются различные взгляды на такие вопросы, как гомосексуальность, однополые браки, сожительство, отношения между родителями и детьми, семейную дисциплину, капиталистическую экономику, уважение к закону. Почти по всем таким вопросам иммигранты более консервативны, чем принимающее большинство; моральные и

⁸ В то же время в неблагоприятных социально-политических условиях являющаяся нормой устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью разрушается или становится обратной, активизируя механизмы психологической защиты, что выражается в росте негативных стереотипов, этнической интолерантности, этноцентризма [Лебедева 1997]

⁹ Проблема существует, вспоминаются слова Махатмы Ганди: «Я хочу, чтобы ветер других культур свободно веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног». Однако в общественном сознании вызов, купируемый реальной политикой интеграции, трансформируется в угрозу, единственным спасением от которой - новый «железный занавес».

культурные барьеры между ними и обществом уже и мельче, чем между членами самого принимающего общества [Parekh 2008, p. 81].

В 2000-х имела место трансформация миграционных процессов, сопровождающаяся не только ростом численности трудовых мигрантов, но и изменением структуры потоков (удельный вес мигрантов из Средней Азии возрос с 6% в 2000 г. до 71% в 2011 г.), замещением сезонных миграций циркулярными и долгосрочными, феминизацией потоков [Мукомель 2013, с. 1, 6]. Однако в общественном дискурсе акцент делается исключительно на масштабах миграции (по большей части – ее фантастических оценках) и этническом составе мигрантов.

Россияне полагают, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты между принимающим населением и мигрантами; что мигранты не уважают традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе. Как следствие, превалирует точка зрения, что Россия не нуждается ни в иммигрантах, ни в трудовых мигрантах – с такой позицией солидаризировались 39% респондентов. Только 11% опрошенных верили, что «стране нужны и те, и другие мигранты», 15% полагали, что «нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда», еще 26% – что «стране нужны только те мигранты, которые приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно» и 9% уклонились от ответа. При этом 53% поддержали бы запрет принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 46% – запрет на временное проживание [МегаФОМ 2011]¹⁰.

Возросшие масштабы миграции и их структурная трансформация сыграли определенную роль в росте ксенофобии, переориентации радикальных националистов на борьбу с наплывом иноэтничных мигрантов [Бызов 2012, с. 162]. Но при этом еще в 1990-х гг. исследователи, отмечая такую связь, указывали, что ксенофобия все больше принимает формы различных этнофобий и мигрантофобий. Да и политическая философия антимиграционизма, «в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы», по формулировке В.А. Тишкова, сформировалась еще в конце прошлого века [Зинченко, Логинова 2011, с. 570].

Антимигрантские настроения стали постоянным фактором общественной жизни и общественного дискурса не сегодня. Было бы упрощением объяснять рост ксенофобии исключительно ростом численности «чужих», в первую очередь, возросшими масштабам миграции, конкуренцией с мигрантами за ресурсы, социокультурным шоком. Причины распространенности ксенофобии глубже.

Вероятно, рост ксенофобии в различных ее проявлениях в 2000-х обусловлен не только внешними факторами, но и глубинными, фундаментальными факторами функционирования российского общества.

Социальные трансформации в контексте культуры доверия

Запрос на трансформацию социальных и политических институтов сформировался не сегодня. В первую очередь, россиян не устраивает «дикий капитализм», проявлением которого стало все возрастающее социальное неравенство.

Социальное неравенство и институты

¹⁰ В общественном мнении присутствует известный дуализм: при всех негативных настроениях по отношению к мигрантам, часть респондентов выказывает сдержанность или безразличие, основывающиеся на мнении, что проблемы мигрантов – это их личные проблемы, не затрагивающие местное население [МегаФОМ 2011]. Парадоксально, но значительная часть россиян готова солидаризироваться с мигрантами – но не нынешними, а их потомками: почти половина опрошенных россиян не возражала, чтобы представители второго и третьего поколений мигрантов жили в их населенном пункте [Мукомель (1) 2013, с. 9–10].

Социальное неравенство проявляется, в первую очередь, в неравенстве доходов. По этому показателю Россия занимает неприлично высокое место: коэффициент Джини, составлявший 0,387 в 1995 г. и 0,397 в 2001 г., в 2012 г. вырос до 0,420 [Росстат 2013]. По данным Global Wealth Report, на долю самых богатых россиян (1%) приходится 71% всех личных активов в России (первое место среди крупных государств) [Гуриев, Цивинский 2012], при том что ВВП на душу населения по паритету покупательской способности (\$18000 в 2012 г.) обеспечивает россиянам лишь 77 место в мире, а за чертой бедности в 2011 г. пребывало 12,7 % населения [СИА 2013].

Реформы в ключевых областях, затрагивающих каждого россиянина, фактически провалились, и положение в правоохранительной сфере, судебной системе, пенитенциарной системе, в области здравоохранения, образования, социального обеспечения, борьбы с коррупцией мало кого устраивает.

73% респондентов не видят положительного эффекта от реформы полиции, еще 10% затруднились с ответом. На одного респондента, считающего, что полиция стала работать лучше, приходится двое, полагающих – что хуже. Более половины респондентов не удовлетворены работой полиции своего города/района, 61% – не доверяет полиции¹¹. Сотрудники полиции вызывают антипатию, опасение, страх, возмущение и негодование у 54% россиян. 58% опрошенных полагают, что полиция не способна защитить его/ее и членов их семьи от преступников [Левада-Центр 2012, с. 106, 107]. Отчасти это так: количество убийств на 100 тысяч человек в России составляет 10,2 против 2,1 в странах ОЭСР (по этому показателю РФ занимает 34 место из 36 государств. В России лишь 46% населения не боятся ходить по улицам ночью в одиночку, что ниже среднего показателя для ОЭСР – 67% [OECD 2013]).

Только 37% россиян оценивают состояние своего здоровья как хорошее [OECD 2013]. 77 % опрошенных в 2013 г. не были удовлетворены системой здравоохранения, причем на всем протяжении 2000-х большинство респондентов ежегодно фиксировали ухудшение качества медицинских услуг [Левада-Центр (2) 2013; Левада-Центр 2012, с. 72, 73]. Население возмущает не только качество медицинских услуг, но и его недоступность: 70% респондентов и членам их семей приходилось отказываться от лечения, восстановления здоровья из-за отсутствия денег [Левада-Центр 2012, с. 72].

Средняя продолжительность жизни в Российской Федерации составляет 70 лет. (Наименьшая продолжительность жизни в странах ОЭСР зафиксирована в Мексике – 74 года [OECD 2013]. Напротив, по уровню смертности на 1000 жителей мы, по оценке 2013 г., занимаем 10 место в мире, при этом по расходам на здравоохранение (5,1 % ВВП в 2010 г.), Россия занимает 136 место в мире [СИА 2013].

Не лучше ситуация в сфере образования: по расходам на образование (4,1% ВВП в 2008 г.), Россия занимала 110 место в мире [СИА 2013]. Проблема не столько в недофинансировании, сколько в качестве образования и его доступности. Наметилось отставание в качестве образования от развитых стран: учащиеся из России в тестах на качество чтения, математические навыки и уровень знаний по естественным наукам (PISA) набрали в среднем 469 баллов, тогда как средний учащийся страны-члена ОЭСР набрал 497 баллов¹². Состояние системы образования в стране оценивают негативно более двух третей респондентов, не удовлетворены нынешней системой образования половина опрошенных, при этом треть респондентов считают, что качество работы системы образования за предшествующий год только ухудшилось [Левада-Центр 2012, с. 74]. С каждым годом возрастает доля отрицательно оценивающих ЕГЭ и отмечающих рост взяток, блата и иных злоупотреблений, связанных с ЕГЭ [Левада-Центр 2012, с. 75].

¹¹ Уровень доверия к полиции в России катастрофически низок на фоне других стран [Гимпельсон, Монусова 2012, с. 27].

¹² В системах образования с самыми высокими показателями успеваемости удается обеспечить высококачественное образование для всех учащихся. Например, в Исландии, Эстонии и Финляндии учащиеся, как правило, добиваются высоких результатов независимо от своего социального происхождения [OECD 2013].

Равенство возможностей доступа к образованию – ключевой компонент социального государства – подвергается россиянами сомнению: половина респондентов уверены, что они, их дети, внуки сейчас не смогут получить хорошее образование [Левада-Центр 2012, с. 75].

Избирательное правосудие, социальное неравенство в сфере образования, здравоохранения, отсутствие социальных лифтов для молодежи, чувство незащищенности перед властями усугубляют неудовлетворенность повседневностью. По субъективной оценке удовлетворенностью жизнью своих граждан (experienced well-being) Россия занимает место во второй сотне стран [HPI 2012, p. 25]. Социальное неравенство порождает недовольство: «В условиях нелегитимности в общественном сознании подобных [социальных – В.М.] неравенств они оказывают серьезное влияние на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий» [Горшков 2010, с. 3].

Экспансия культуры недоверия

Для человека социального, для гражданина характерна вера в себя, вера в других людей, вера в совместно построенные институты. Еще в 1990-х гг. отмечалось: «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга – масштабами семьи» [Дилигенский 1998, с. 230]¹³. Низкий уровень межличностного доверия и доверия к социальным институтам фиксируется в 2000-х гг. как социологическими центрами, так и специалистами [ФОМ (1) 2008; ФОМ (2) 2008; Сасаки, Латов и др. 2010; Голенкова, Игимханян 2012, с. 198–199]. Г.А. Явлинский и А.В. Космынин отмечают «системный дефицит доверия»: «Население вообще никому не верит и, более того, укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для общества состояние» [Явлинский, Космынин 2011, с. 14].

Большинство респондентов в октябре 2012 г. считали, что осторожность в отношениях с людьми не помешает «практически всегда» (17% опрошенных) или «обычно» (46%); полагали, что людям можно «обычно» доверять 28% и «практически всегда» – 5% [Левада-Центр 2012, с. 27]. В другом обследовании большая часть респондентов прямо отвечала, что людям нельзя доверять [ФОМ (1) 2008]. Особо настораживает, что на всем протяжении 2004–2012 гг. вера в людей ослабевала¹⁴, а межличностное доверие ограничивается ближним кругом: семьей, родственниками, друзьями, хорошими знакомыми.

Низкий уровень межличностного доверия, как неоднократно отмечалось более характерный для менее образованных и материально обеспеченных слоев, напрямую сказывается на росте ксенофобных настроений: «Взаимное недоверие, подозрительность становится одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе» [Козырева, Смирнов 2010, с. 171]. Межличностное недоверие сказывается, в первую очередь, на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.),

Другой, более широкий круг доверия охватывает категории людей, с которыми мы не сталкиваемся непосредственно, только наше представление соединяет их в реальные

¹³ Интересно наблюдение, что снижению межличностного доверия в постсоветский период способствовало реформирование личных связей, которые в условиях всеобщего дефицита выполняли важнейшую роль в механизме перераспределения материальных ресурсов (так называемый «блат»). Включенность людей в разветвленные социальные сети, основанные на межличностных контактах, создавала своеобразную атмосферу доверия [Козырева, Смирнов 2010, с. 171].

¹⁴ В эти годы Левада-Центр ежегодно задавал вопрос: «Как изменилась за минувший год Ваша вера в людей?». Отвечавших, что она ослабла, в среднем было в 2,5 раза больше тех, в ком она укрепилась. (Рассчитано по: [Левада-Центр 2012, с. 8]).

сообщества: члены этнической группы, религии, расы и т.п. В этом случае доверие к конкретным лицам переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам [Штомпка 2012, с. 117]. П. Штомпка подчеркивает, что эта форма доверия часто опирается на стереотипы и предубеждения. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, само/утверждения, достоинства, автономии» [Штомпка 2012, с. 117, 157–158]. Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества.

Особая проблема – институциональное доверие. В Российской Федерации 44% граждан утверждают, что они доверяют политическим институтам. Этот процент существенно ниже среднего показателя по ОЭСР, равного 56% [OECD 2013]. Россияне доверяют Президенту, Церкви, религиозным организациям, несколько меньше премьер-министру, армии, органам госбезопасности, правительству. Общественное мнение расколото поровну в отношении доверия к Совету Федерации, прокуратуре, судам. Не доверяют респонденты органам власти субъектов Федерации, местным властям, Государственной Думе, полиции, политическим партиям, профсоюзам [Левада-Центр (3) 2013].

С начала 1990-х гг. уровень доверия вышеназванным государственным институтам стабилен, а к отдельным государственным институтам стабильно низок [Левада-Центр 2012, с. 76–77]. При этом уровень доверия к институтам неуклонно снижается с 2008 г.: «к весне 2012 г. уровень доверия ко всем государственным и общественным институтам снизился, причем существенно. Особенно существенно это падение у Президента и правительства – почти на 20% (по сравнению с 2008 г. – В.М.)... У некоторых других государственных институтов это снижение не столь значительное, и то лишь потому, что просто ниже некуда» [Голенкова, Игитханян 2012, с. 276–277].

Мало доверяют не только государственным институтам, но и публичным людям, организациям, режимам, с которыми имеется только опосредованный контакт, чаще всего через СМИ: крупному бизнесу, деловым и промышленным кругам, банкам, тем же масс-медиа. (Ожидания такого рода объединяет понятие «публичного доверия» [Штомпка 2012, с. 163].

В обществе идет эрозия культуры доверия, сопровождающаяся экспансией культуры недоверия, для которой характерны аномия, нестабильность общественного порядка, непрозрачность институций, чуждость окружения, безответственность других людей и институтов¹⁵. Не последнюю роль в эрозии культуры доверия играет социально-политическое устройство современной России – выстраивание вертикали власти и ее централизация снижает потребность власти в доверии граждан: «в случае полного контроля над каким-то явлением доверие, естественно, не играет никакой роли... Полная власть не требует доверия», при этом «чем сильнее граждане ощущают недоверие со стороны власти, тем меньше ей доверяют» [Штомпка 2012, с. 71, с. 379]¹⁶.

Становление культуры недоверия сочетается с низким уровнем лояльности и солидарности: нарастание недовольства сложившейся в стране ситуацией во всех группах

¹⁵ Выделяют пять макрообщественных условий, содействующих культуре доверия (климату доверия): нормативная сплоченность общества – стабильность, ясность и непротиворечивость системы правил (норм и ценностей, недвусмысленного определения полномочий и обязанностей, связанных с различными общественными ролями); стабильность институций, организаций, установленных общественных структур; прозрачность общественной жизни, организационные формы и механизмы которой являются ясными, понятными и видимыми; дружественное окружение среды, в которой проходит общественная жизнь (как естественной, технической, цивилизационной, так и расовой, и этнической); уверенность, что все будут следовать общественным правилам игры, что существуют результативные и непредвзятые контролирующие и принуждающие к исполнению институции: арбитраж, судебные органы, правосудие, контрольные и выборные органы [Штомпка 2012, с. 300–305, 414].

¹⁶ Парадоксально, но с развитием культуры недоверчивости усиливаются мечты о харизматической личности: «В ситуации, когда граждане не могут доверять механизмам власти, процедурам, законам, единственным оплотом надежды может быть личность. Доверие подвергается полному персонализму и направлено к одной фигуре» [Штомпка 2012, с. 390].

россиян¹⁷, наряду с нарушением базовых принципов справедливости, ощущение «неправильности» происходящего «приводит к нарастанию атомизации, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и, тем самым, устои социальной солидарности россиян» [Тихонова 2013, с. 289], что в свою очередь подрывает фундаментальные ценности россиян.

Эрозия традиционных ценностей и переформатирование солидарностей

Согласно данным различных кросс-культурных исследований, в современной российской культуре заложены ценности, которые, в известной мере, не служат барьером ксенофобии. Особое значение имеет то, что (по Г. Хофстеду) русская культура относится к культурам коллективистского типа с высоким уровнем избегания неопределенности (что выражается в высоком уровне тревожности и тенденции к «выбросу энергии», агрессивному поведению), с высоким уровнем дистанции власти (предпочтения более жесткому стилю управления, распространенность принуждения, конформизм). Обращает на себя внимание как превалирование (по Р. Ингельхарту) «традиционных» ценностей (высокая значимость семьи, уважения власти, религии, сочетающиеся с социальным конформизмом, открытости националистическим взглядам) и ценностей «выживания», для которых характерны значимость безопасности, ощущение угрозы со стороны иностранцев, представителей других этнических групп, лиц, придерживающихся иной культуры; так и выраженность (по Ш. Шварцу) ценностей «принадлежности» к коллективу - ориентация на сохранение существующего порядка и избегание действий, способных разрушить групповую солидарность и ценностей «иерархии» – с сопутствующим неравным распределением власти, ролей и ресурсов [Лебедева 2011].

Анализ внутрироссийской дифференциации ценностей по Р. Ингельхарту показал, что 50% российских респондентов ориентируются на подчинение и слабо ориентируются на самостоятельное социальное действие (*преобладание ценности следования указаниям «свыше» над ценностью инициативного автономного действия*). Для них характерно придание высокой важности иерархическим отношениям в обществе, получению и исполнению сигналов «сверху» и руководству стоящими ниже них в статусной иерархии. Прямым продолжением почтения к иерархии власти является высокая ценность «порядка», приверженность диктуемым «сверху» запретам, в частности абортотам и гомосексуализма, несамостоятельность, нерешительность; недоверие к окружающим сочетается с повышенным доверием властным фигурам. Лишь у 3% российских респондентов альтернативные *ценности инициативной автономии преобладают над ценностями встраивания в вертикаль власти (как светской, так и духовной)*. Преобладание ориентации на самостоятельность над ориентацией на подчинение сочетается у россиян с высоким уровнем доверия к окружающим. Промежуточных ценностей придерживается 46% респондентов, отвергающих и регулирующие воздействия идущие «сверху», и не выражающие готовности к собственному активному действию; уровень недоверия к окружающим у них также высок [Магун, Руднев 2013].

Отмечалось, что «господствующая система ценностей и убеждений обеспечивает легитимизацию социальных принципов распределения, а тем самым – и существующего неравенства. Сама легитимизация очень часто выступает как одобрение или поддержка общественным мнением этих форм» [Хахулина 2004, с. 45]. Это так, но до определенных пределов, когда сомнения в принципах распределения перерастают в сомнения в легитимности существующего порядка.

Власти отдают отчет в опасности размывания традиционных ценностей, дестабилизации основ культуры, в первую очередь – почтительности к власти, лояльности, признания легитимности сложившегося порядка.

¹⁷ Более половины респондентов, учитывая происходящие сейчас в России дела, в той или иной мере испытывают стыд за нее [Левада-Центр 2012, с. 22].

Выход ищется, во-первых, в эксплуатации традиционных ценностей «порядка» и апелляции к «стабильности», при игнорировании других ценностей, в частности – «справедливости». Запрос на «справедливость» в условиях возрастающего социального неравенства ведет к фрустрации, нарастанию агрессивных настроений [Тихонова 2013, с. 307]. В результате идет размывание электорального ядра сторонников власти, ее опоры.

Во-вторых, – в пресечении различных форм неуправляемой инициативы и солидарности, идущих «снизу» и основывающихся на бескорыстии. Благотворительность и волонтерство, идущие «снизу», не в почете: власти готовы говорить лишь о специфически понимаемой «социальной ответственности бизнеса»¹⁸. Для власти характерно недоверие к сложным формам организации или мысли, солидарности и достижения, соответственно – недоверие к гражданскому обществу, любым добровольным, а не принудительным ассоциациям и связям, подавление стремления «к более сложным формам гратификации и солидарности» [Гудков, Дубин, Зоркая 2011, с. 18].

В-третьих, что наиболее важно – в переформатировании солидарностей и формировании иных оснований для лояльности власти; власть, инициирующая объединение представителей определенных социальных групп по общественно значимой проблеме, справедливо рассчитывает на лояльность членов общества, разделяющих ее взгляды и основания такой солидарности.

Власть, не нуждающаяся и не рассчитывающая на доверие граждан, нуждается в солидарности и лояльности к ней. Трудно представить солидарность и лояльность без доверия, альтернативой может служить, казалось бы, лишь страх. Сегодня формируются уникальные основания солидарности и лояльности: не доверие, не страх, а избирательное недоверие и избирательные страхи – недоверие к чуждым и страхи «чужих».

Основанием «новых солидарностей» все чаще выступают ксенофобные настроения сограждан, к которым апеллирует власть, опираясь на результаты социологических опросов. Высказывалось мнение, что за «борьбой с пропагандой гомосексуализма» ничего не стоит, кроме «тупой гомофобии/тупой ксенофобии/элементарного людоедства» [Бычкова 2013]. Однако «норма, понимаемая как константа традиционализма, – единственное, что снимает все социальные границы» [Берг 2013].

Идеальной моделью переформатирования солидарностей стала кампания, развернутая после событий на Матвеевском рынке в Москве летом 2013 г. (и в фантосмагорично истеричной форме продублированная после Бирюлево). При всем сюрреализме действия (следствием насилия одного российского гражданина над другим, стали гонения на иностранцев), оно способствовало эффективному формированию новых солидарностей с властью. С одной стороны, негативных солидарностей, эксплуатирующих неприятие а) иностранцев, б) кавказцев и в) торговцев (обвиняемый – торговец, выходец из Дагестана), г) коррумпированной полиции. С другой, – позитивных солидарностей на основе общественного запроса на законность и справедливость: преследования мигрантов шли под лозунгами борьбы с «незаконной» миграцией, с криминализацией рынков, с коррупцией (чистки в полицейских отделениях, «крышевавших» рынки).

Однако при любых вариантах выстраивания «новых солидарностей», потенциальные объекты ксенофобии (этнические, мигрантские, религиозные меньшинства, иностранцы) оказываются по иную сторону барьера, они – априори «чужие».

При этом, парадоксальным образом, «новые солидарности» объединяют как традиционалистов, так и их антагонистов, руководствующихся избирательной солидарностью, базирующейся на «этике ответственности, а не предписаниях традиции

¹⁸ Опыт волонтерской работы имеют считанные проценты респондентов [Левада-Центр 2012, с. 28]. Доля помогавших незнакомым людям среди российских респондентов в 1,5 раза меньше, чем в среднем по странам ОЭСР [ОЭСР 2013]. Представители средних и старших возрастных групп особо отмечают снижение доброжелательности (78% при 67% по остальным россиянам), искренности (78% и 67% соответственно), бескорыстия, готовности помочь другому (78% и 69%) [Тихонова 2013, с. 307].

или коллективного заложничества» [Гудков 2012, с.27]. (По крайней мере, часть из них: среди представителей «модерного» типа личности как наиболее ярые борцы с ксенофобией, так и наиболее яркие ее пропагандисты).

Этническая солидарность занимает неподобающе значимое место в пространстве иных групповых солидарностей. В обществе доминируют представления о первостепенности прав групп, а не личности: согласно масштабному обследованию ФОМ, 12% респондентов согласились с лозунгом «Россия для русских», 33% – с утверждением, что «Россия многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенным преимуществом», 35% выбрали подсказку «Россия многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами». Лишь 18% согласились с утверждением: «Важно обеспечить права личности, а не этнических групп», еще 3% затруднились с ответом. Такого рода настроения распространены не только среди русских: представители других этнических групп, пусть и не в такой степени, поддерживают лозунг «Россия для русских» (5 % опрошенных), а также тезис, что русские должны пользоваться определенным преимуществом – 19 % респондентов [МегаФОМ 2011].

И хотя этническая солидарность может прямо коррелировать с гражданской [Дробижева, Рыжова 2010], социологи отмечают как неблагоприятный симптом тот факт, что солидаризация в немалой степени основана на обидах, особенно, среди русских [Дробижева 2013, с. 244].

Ненависть как национальная идея?

Агрессия и насилие

Рост агрессивности, озлобленности среди окружающих на протяжении 2000-х гг. отмечали 15–18% респондентов [Левада-Центр 2012, с. 16]; особо указывали на усиление агрессивности среди россиян слои, ориентированные на традиционные для россиян идеалы общества справедливости – чаще всего, представители средних и старших возрастных групп: представители этих слоев чаще говорили, что у россиян выросла агрессивность (85% при 75% по остальным россиянам). При этом нарастание агрессии фиксировалась, прежде всего, в средне- и малообеспеченных слоях [Тихонова 2013, с. 307],

«Негативная этническая солидарность», по выражению Л.Д. Гудкова, сопровождается «заметным ростом поиска защиты, развитием комплекса ущемленности, интересом к лозунгам русского нацизма» [Гудков 2003, с. 42; Гудков 2004]. Специалисты отмечают усиление за последние пять лет поддержки «радикальных националистов, выступающих не с державнических позиций, а ориентированных на борьбу с наплывом в Россию мигрантов нерусской национальности – с 4% до 7%» [Бызов 2012, с. 162]. По оценке директора информационно-аналитического центра «Сова» А. Верховского, численность участников ультраправых групп составляет в настоящее время 15–20 тыс. чел., что не помешало бы, впрочем, некоей не поименованной партии националистов получить порядка 10% голосов¹⁹ [Верховский (1) 2013].

От ксенофобии до ненависти и насилия дистанция невелика, но никто, за исключением особо оголтелых, не хочет насилия, тем не менее оно стало составной частью повседневности. Тезис, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа» поддерживают 44% россиян [Дробижева 2013, с. 277]. На всем протяжении 2000-х гг. возможность массовых кровопролитных столкновений на

¹⁹ Много или немного – вопрос вторичный, однако потенциал значителен: трудно не согласиться, что «Русский национализм, который, безусловно, фиксируется в идее "Россия для русских", это объективная данность, игнорировать которую бессмысленно» [Храмов 2006].

национальной почве в стране допускали менее половины респондентов²⁰ [Левада-Центр 2012, с. 177]. В октябре 2013 г. такую возможность допускали уже 62% опрошенных [Левада-Центр (1) 2013].

По самым осторожным оценкам информационно-аналитического центра «Сова», в 2012 г. количество жертв расистского и ксенофобно мотивированного насилия составило не менее 206 чел., 19 из которых погибли, что существенно меньше, чем 5-6 лет назад: вероятно, сказывается не только повышение эффективности работы правоохранительных организаций, но и изменение тактики ультраправых, часть которых ориентируется на легальную работу, а часть – ушла в подполье.

Устойчиво представление, что «черносотенные (ныне “националистические”) силы и институты – политический ресурс для Российского государства... они никогда не воспроизводятся вне контроля государства... Государство по собственному соизволению их то выпускает на волю, то загоняет назад» [Левинсон 2009, с. 18–19]. Отдавая насилие на аутсорсинг, государство рискует, поскольку приватизация насилия чревата эскалацией экстремизма и терроризма, важным источником и предпосылкой которых является ксенофобия [Паин 2005].

Большинство россиян не одобряет насилие расистов: нападения скинхедов на приезжих полностью одобряет только 1,5% респондентов, еще 3,6% «скорее одобряет» [МегаФОМ 2011]. Однако часть опрошенных осуждают методы, но не взгляды скинхедов («Есть что-то такое, да, но не такими способами»); есть и солидаризирующиеся со скинхедами, демонстрирующие первобытный расизм («Антипатия – не антипатия, а разные расы, разные как бы не то, что расы, даже тело как бы»; «Физические такие разногласия») ²¹.

Устойчивы представления, что ксенофобия и насилие – удел маргиналов: «Именно в среде с наименьшими культурными ресурсами семьи рост этнофобии происходит наиболее резко; откровенно враждебные суждения наиболее естественно усваиваются слоями, не имеющих собственных критериев оценки социального окружения» [Леонова 2004, с. 26]; радикализм и готовность к агрессии немного заметнее в малообеспеченных слоях и особенно сильно различается в поселениях разного типа, причем более выражено в мегаполисах [Дробижнева 2013, с. 279]. Как выразился Умберто Эко: «...самая ужасная нетерпимость – нетерпимость людей бедных, именно они первыми впадают в неприятие инакости. Богачам расизм не присущ. Богачи произвели на свет, в крайнем случае, расистские теории; а бедные люди изобрели расистскую практику, гораздо более опасную» [Эко 2000]. Отчасти это так: кластер одобряющих действия скинхедов составляют малообразованные, занимающие низкостатусные позиции, проживающие в малых и средних городах. Но есть и другой кластер – высокообразованных, жителей городов-миллионников, материально обеспеченных (бизнесменов, руководителей высшего звена) ²².

«Потерянное поколение»?

Настораживает, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980–1990-х гг. приходят другие когорты, социализировавшиеся в другом, более ксенофобском социальном контексте, и это не менее значимо, чем социальная среда.

Среди молодежи до 30 лет, например, поддерживают скинхедов либо хорошо оплачиваемые молодые люди, либо выходцы из семей с высоким достатком (таблица 3).

²⁰ Доля таких ответов была минимальна в годы кризиса 2008-2009 гг., однако она резко возросла до 56% в январе 2011 г., являясь реакцией на события на Манежной площади.

²¹ Высказывания участников фокус-групп, проведенных в ноябре 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН (ИС РАН) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ).

²² Среди лиц с доходом свыше 60 тыс. руб. в месяц доля поддерживающих действия скинхедов в 3,1 раза выше, чем среди всех респондентов, при этом доля полностью одобряющих – в 7 раз [МегаФОМ 2011].

Таблица 3. **Отношение к нападениям скинхедов молодежи с разным семейным достатком** (Распределение ответов молодых людей в возрасте до 30 лет на вопрос: «В последнее время много говорят о нападениях так называемых “скинхедов” и других подобных группировок на приезжих из Азии и с Кавказа. А Вы лично как относитесь к действиям этих группировок?», ответившие, %).

Материальное положение семьи	полностью одобряю	скорее одобряю	скорее не одобряю	совсем не одобряю
денег не хватает даже на питание	3,9%	3,2%	4,4%	4,0%
на питание денег хватает, но одежду, обувь купить не можем	11,8%	17,0%	14,8%	14,7%
на одежду, обувь денег хватает, но крупную бытовую технику купить не можем	32,3%	45,1%	49,9%	45,3%
на бытовую технику денег хватает, но автомобиль купить не можем	33,1%	24,0%	23,7%	26,4%
на автомобиль денег хватает, но квартиру или дом купить не можем	14,2%	8,2%	5,5%	6,8%
на квартиру или дом денег хватает	4,7%	2,5%	1,7%	2,6%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: [МегаФОМ 2011].

37% поддерживающей скинхедов молодежи – рабочие, причем не из бедных семей: если среди всех молодых рабочих солидаризируются с действиями скинхедов 10,1% респондентов, то среди выходцев из семей с высоким достатком – 17,8%²³.

Распространенность ксенофобии среди молодежи объясняется рядом факторов. Во-первых, психологическими: сензитивностью, эмоциональностью, склонностью получать быструю отдачу от своих действий, иногда повышенной склонностью к агрессии, присущими этому возрасту. Для молодежи характерно обостренное чувство справедливости, она «болезненнее реагирует на ложь и двоемыслие господствующих отношений». Социальное расслоение, отсутствие социальных лифтов вызывает зависть, озлобление, чувство собственной обездоленности. «Эти последние не только способствуют росту и распространению девиантного поведения, но и создают социальную базу для публичных форм агрессивной «самоорганизации»» [Гудков, Дубин, Зоркая 2011, с. 13, 16]. Для молодежи характерна низкая самооценка, формирующаяся в поисках собственного «я», небольшой социальный капитал. Протест увеличивает социальный капитал участников, удовлетворяя их потребность в общении, в коллективном действии [Логина 2013, с. 132].

Вторым фактором следует назвать отсутствие должного социального опыта. Молодые не имеют навыков приспособления к государственному произволу и насилию, характерных для старших поколений. Молодежь «чувствительнее других групп воспринимает насилие в качестве кода социальности» [Гудков, Дубин, Зоркая 2011, с. 16, 29]. Некритичность, отсутствие опыта просеивания информации, отстранения и рефлексии способствуют тому, что для нее характерна «большая чувствительность к проблематике, связанной с национальной или этнической идентичностью, большая проницаемость для националистической риторики, вплоть до самых экстремистских ее проявлений» [Гудков, Дубин, Зоркая 2011, с. 6]. Молодые люди, кроме того, склонны недооценивать риски, связанные с асоциальным поведением. (Попадание в среду

²³ Среди тех, семьи которых могут позволить купить автомобиль, но денег на квартиру или дом не хватает – 17,9%, среди тех, семьи которых могут позволить себе купить и жилье – 17,7% [МегаФОМ 2011].

культуры риска также может повышать индивидуальную готовность к риску [*Штомпка* 2012, с. 103]).

Третий фактор – «дефектная социализация», формирующая конформизм поколений, социализация которых пришлась на 2000-е, безучастных к сворачиванию публичного пространства, возможностей политического участия. Эффективность государственной пропаганды, формирующей «упрощенного человека» [*Левада* 2001, с. 10], не следует недооценивать. «...К концу первого десятилетия 2000-х гг. именно молодежь проявляет особенно сильные антимодерные установки – антизападные, националистические и ксенофобные настроения, с одной стороны, и готовность к поддержке высшей власти (отказ от политической альтернативы и выбора), с другой» [*Гудков, Дубин, Зоркая* 2011, с. 28]²⁴. Отсутствие социального опыта и «дефектная социализация» делают молодежь «идеальным объектом манипуляций, включая политические; она оказывается не субъектом общественной жизни, а средством, орудием, материалом для тех или иных сил» [*Константиновский* 2010, с. 115].

В «дефектную социализацию» нынешней молодежи есть вклад и института семьи, должного транслировать фундаментальные ценности от одного поколения к другому. К сожалению, социально-экономические проблемы семьи «... заметно деформировали социализирующую и воспитательную функции семьи». Дефицит семейного общения восполняется «улицей» и другими агентами социализации – социальными институтами, средствами массовой культуры и информации и т.д. [*Козырева и др.* 2010, с. 64, 70], и роль семьи как «общественного конвоя»²⁵ постоянно снижается. Однако стоит отметить, что это не однозначно плохо: по данным обследования молодежи и школьников г. Москвы, этническими предрассудками более заражены представители старших поколений, транслирующие эти предрассудки на молодежь²⁶.

В каждом поколении россиян найдется период, когда можно говорить о «потерянном поколении». Нынешнее поколение молодежи – не исключение: «Пожалуй, молодое поколение – это очень сложный и очень большой вопрос... Да, они практически ничего не боятся: ни власти, ни СПИДа, ни черта рогатого. Они ничего другого не знают. Они не знают, какие в душе человека должны быть условия для нормальной жизни, для нормального отношения к другим. Эти люди, которые хотели бы жить как на Западе или даже просто на Западе, они очень не любят тех, кого у нас называют “черными”. Это люди в большей мере, нежели в среднем, готовы поддержать знаменитый лозунг: “Россия для русских!”. Это люди, которые не понимают, что такое демократия, что такое либеральные ценности, почему они должны кого-то уважать, на кого-то равняться и многое другое. И это делает в значительной мере потерянным потенциал нового поколения, которое мы получили» [*Левада* 2004].

Вызовы ксенофобии и климат доверия

Ксенофобия – ненависть от страха. Даже если бы эти страхи были надуманны, они становятся социально значимой проблемой, так как воспринимается таковой общественным мнением. Ксенофобия – и ненависть без причин, основывающаяся на стереотипах и мифах. Если «рацио» может победить страх, то борьба со стереотипами и мифами подобна схваткам с ветряными мельницами.

Насилие порождает насилие. Как отмечает З. Бауман, «насилие, обвинения в насилии и ожидание насилия превращаются в главное средство отстаивания прав индивидов или

²⁴ Уровень институционального доверия у молодежи выше, чем у взрослых, тогда как межличностного – ниже [*Лебедева, Татарко* 2007, с. 369, 370].

²⁵ Изменяющаяся в течение жизни личная сеть, в окружении которой мы идем по жизни [*Штомпка* 2012, с. 286].

²⁶ Обследование проведено АНО «НИИ социологии» по заказу Правительства Москвы в 2010–2011 гг., руководитель обследования – И.М. Кузнецов. Опрошено 12 тыс. респондентов по репрезентативной выборке.

групп. Старый принцип *si vis pacem, para bellum*... кажется актуальным как никогда для всей социальной системы сверху донизу, будь то на глобальном, местном или внутрисемейном уровнях» [Бауман 2005, с. 269].

Отсутствие до последней поры насильственных практик со стороны мигрантов и представителей «видимых меньшинств» не является следствием принятия ими этики ненасилия. Не очевидно, что последние не прибегнут к насильственным действиям, исчерпав свои аргументы против дискриминации, насилия. Дело «Черных ястребов», группировки молодых кавказцев, нападавших на молодых москвичей-славян, – прямое тому подтверждение [Заритовский 2009].

Главное сегодня – исключить насилие как средство решения возникающих конфликтов. Что этому препятствует?

Во-первых, влияние исторического опыта и традиций: вся история России суть история насилия, насилия государственного, противостоящего всяким потугам организации институтов гражданского общества. Мы прекрасно помним слова В.И. Ленина о государстве, как особом аппарате для систематического применения насилия и подчинения людей насилию [Ленин 1919]. Насилие культивировалось не только государством, но и обществом, его элитой: лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают» сформулировал в 1930 г. не И.В. Сталин, а великий гуманист Максим Горький. Не будем забывать и о насилии в семье, имеющем богатую традицию. Русский язык – великий язык, но благодаря ему в ведущие европейские языки пришел не только «спутник», но «погром».

Во-вторых, огромную роль играют особенности общественного сознания россиян. Среди них – представление о целесообразности, которая может быть превыше Закона, убежденность в доминировании государственных интересов над групповыми и личными, привычное недоверие к властям, политизированность мышления, а также неразвитость гражданского самосознания, отсутствие традиций диалога и социального компромисса, экспансия культуры цинизма.

В-третьих, наше общество по-прежнему мобилизационное, а «непременное условие мобилизационного состояния – обстановка постоянной “борьбы” [Левада 2001, с. 13]. С непреходящими поисками «врагов», внутренних и внешних²⁷ («против кого дружить будем?»). Дух конфронтации пронизывает все общественные дискуссии в России, а понятия ненасилия, терпимости, компромисса имеют явную негативную коннотацию.

В начале 2000-х гг. высказывалось мнение, что единственный мобилизационный ресурс автократии – эксплуатация уязвленного национального достоинства русского народа [Паин 2004, с. 234]. Освоение технологии «новых солидарностей», сопровождающееся постоянным поиском и нахождением новых объектов ксенофобии, «новых чужих» (и не только «раскачивающих лодку»²⁸), существенно расширило ресурсы мобилизации: «буквально все, что ни происходит в стране особо резонансного и сверх обычного, возбуждает народ, начинает казаться сплошным гигантским, сложно организованным отвлекающим маневром, политтехнологическим фейком циклопического масштаба. Интеллектуальная и духовная жизнь Святой Руси начала XXI в. перенасыщена провокациями и скандалами, пафосом разоблачения, обличения, негодования и осуждения, взрывами массовых эмоций, угаром вражды по всем горизонтам и азимутам» [Рубцов 2013].

Перевод различий интересов социальных групп в политическую плоскость, противопоставление одних групп другим – раскол как основа солидарности, –

²⁷ Согласно опросам общественного мнения, с 2007 г. список государств-врагов России возглавляют (за исключением США, в разные годы занимающих 2-3 места) наши ближайшие соседи: Грузия, Латвия, Литва, Эстония, Украина [Левада-Центр 2012, с. 200].

²⁸ С соответствующими ярлыками, приклеиваемыми НКО, противникам «Закона Димы Яковлева», ЛГБТ-сообществу. При этом названия создаваемых провластных движений основываются на милитаристской лексике («Фронт», «Оборона»), на однозначной («Наши», «Местные»), либо ассоциативной идентификации («Сталь», «Идущие вместе»).

небезобидно. Поиск расколов, поставленный на поток, с одной стороны, решает тактические задачи, затрудняя формирование оппозиционных коалиций, с другой – ведет к сегментации общества, а не его консолидации.

По справедливому замечанию известного английского социолога З. Баумана, «перманентный страх перед насилием подсказывает людям “стратегию разъединения”» [Бауман 2005, с. 270]. Социальная исключенность «других», будь то мигранты, представители этнических меньшинств, иностранцы, становится непозволительной роскошью, угрожающей социальной стабильности.

Власти и СМИ – основные продуценты ксенофобного дискурса, постоянно воспроизводящие и педалирующие дискурс расколотого общества, противопоставление сторонников одних ценностей другим. Ксенофобские настроения, спекулятивно тиражируемые СМИ, муссируемые публичными политиками, проникающие в массовую культуру и поддерживаемые отдельными представителями интеллектуалов, являются неотъемлемым компонентом общественного сознания. «Язык вражды», особенно в Интернете, стал обыденностью.

За последний год озабоченность обывателей наплывом приезжих, мигрантов резко возросла: если в 2012 г. такого рода тревожность выражали 16% респондентов, то в 2013 г. – 27% [Левада-Центр (4) 2013]. При том что объективных оснований тому нет: всплеск трудовых миграций пришелся на начало 2000-х, за последние три года численность мигрантов, работающих в России, стабилизировалась на уровне 4,5-6 млн. человек.

Несомненно, огромную роль в всплеске ксенофобных настроений сыграли события лета этого года, сопровождавшиеся истерией по поводу «проблем миграции»²⁹. «Дельта» тревожности – конструкт, продукт пропаганды ксенофобии. Речь уже не о нагнетании ксенофобных настроений, а о пропаганде ксенофобии³⁰.

Свидетельством тому и то, что наиболее подвержены мигрантофобиям жители тех населенных пунктов, где, как они сами констатируют, мигрантов нет. И то, образ «мигранта» для рядового обывателя абстрактен³¹. (Сами мигранты свои взаимоотношения с принимающим населением оценивают также исходя из представлений, почерпнутым из масс-медиа³²).

Маховик ксенофобии раскручивается: пропаганда формирует соответствующие общественные настроения, опираясь на которые и черпая фантастические сведения из тех же информационно-пропагандистских материалов, масс-медиа и политики, становящиеся их заложниками, вбрасывают все новые и новые порции ненависти к «чужим» в общественные дискуссии и информационное пространство.

²⁹ Обсуждение «проблем миграции» масс-медиа и публичными политиками сводилось и сводится к предложениям конкретных мер, подобных введению визового режима, ужесточения законодательства и т.п. При том, что не задается вопрос: а в чем проблемы? В том, что мигрантов слишком много? Что едут не туда? Едут не те - не соответствующие образовательным, профессиональным потребностям рынка труда? Не того цвета? Не готовые адаптироваться? Приезжают и работают нелегально? Едут преступники? - Артикуляция «проблемы» отсутствует, хотя очевидно, что разные вызовы предполагают различные, возможно взаимоисключающие решения.

³⁰ Антисобытием телесезона "Клуб телепрессы" назвал "Систематическое возбуждение ксенофобских настроений в политическом эфире государственного телеканала "Россия 1" [РИА-Новости 2013]

³¹ В структуре повседневного сознания работающей российской молодежи понятие «мигранты» не связывается с определенными этническими группами, определенной конфессией или определенными образцами поведения. (Проект РГНФ 13-03-00494 «Анализ особенностей взаимной адаптации и потенциала интеграции молодых россиян и молодых мигрантов из Средней Азии и Закавказья», проведено 8 фокус-групп с использованием методики семантического дифференциала в гг. Астрахани и Самаре в 2013 г.)

³² Большинство опрошиваемых мигрантов считают, что россияне хорошо относятся к мигрантам (72,2 %), еще больше доля полагающих, что к ним относятся хорошо жители данного населенного пункта (76,4 %), и особенно велика доля тех, кто полагает, что у них лично хорошие отношения с местными в микрорайоне, в доме (91,6 %). Чем уже и конкретней круг коммуникаций, чем он более персонифицирован, тем более радужно оцениваются отношения с местным населением. (Опрошено 8499 мигрантов. Более подробно см.: [Мукомель (2) 2013, с.11]

Неадекватная реакция масс-медиа и политиков на события лета 2013 г. (Матвеевский рынок, выборы мэра Москвы, Бирюлево), не имеющая вроде на то видимых оснований, вполне логична: переформатирование солидарностей невозможно без соответствующей атмосферы, формирующей общественные настроения.

Представители меньшинств – удобные «козлы отпущения». Для политиков это способ канализации социального недовольства и завоевания популярности. Еще в начале 1990-х отмечалось: «Почти одинаковая по степени готовность сторонников различных течений поддерживать негативные этнические установки (а также соответствующие им действия, например, различные запреты, ограничения на передвижения, занятия по этническим признакам) приводит к сохранению и усилению потенциала ксенофобии в обществе. Такой потенциал... может реализоваться как в виде вспышек массового насилия погромного типа, так и в действиях политических авантюристов, которые используют в своих интересах национальные комплексы и фобии» [Левада 1994, с. 17].

Ксенофобия и мигрантофобии расползаются не только из-за расширения мобилизационной базы, но и активизации этнических антрепренеров. В дискурсе «расизма», по мнению В.А. Тишкова, это не только бытовой расизм, но и политический, основанный на партийной идеологии и находящий отражение в партийных программах³³ и практической деятельности, а также институциональный расизм, присущий таким социальным институтам как армия, школа, здравоохранение, социальная помощь, религиозные организации, государственный расизм, обнаруживающийся в законодательстве, практиках [Зинченко, Логинова 2011, с. 571].

Если что и внушает оптимизм, так это то, что в любой стране общественные ценности представлены в чрезвычайном разнообразии. И Россия, конечно, не исключение: как в начале XX в. в России сосуществовали культура Льва Толстого и культура погромщиков, так и сегодня имеются две культуры. Для одной уважительное отношение к «другим», толерантность и ненасилие являются самодовлеющей ценностью, другая готова оправдать и ненависть, и насилие. Сегодня ключевой вопрос: какая из двух культур победит? В какой атмосфере мы будем жить завтра? Займет ли достойное место в общественном сознании россиян этика толерантности?

Осуждение ксенофобии, как правило, идет с этических позиций, однако давно пора понять: ксенофобия не прагматична. Растаскивая общество по этно-, мигра-, гомо-, конфессиональным клеткам, она угрожает российской государственности.

Эффекты «колеи» (path dependence) сказываются в полной мере сегодня. Как афористично заметил М.Я. Гефтер «катаклизмы – в истоке» [Твардовский, Гефтер 2005, с. 7]. Однако, по справедливому замечанию Амартии Сена, «сомнительная история не может оправдывать сомнительную политику» [Сен 2004, с. 273].

Стоящие перед страной вызовы слишком серьезны. Адекватным ответом на эти вызовы будут меры, направленные на создание климата доверия – в первую очередь, восстановление публичного доверия, не требующего столько времени и усилий, сколько восстановление институционального доверия. Особое значение приобретают инструменты согласования интересов разных социальных и политических групп. Если в обществе – хотим мы того или нет – доминируют ксенофобные настроения, они должны быть услышаны.

Необходим диалог, «промысел смысла»³⁴. Иначе, в отсутствие переговорных площадок и механизмов согласования интересов различных групп, общество обречено на то, что дискурс подворотни – не артикулированный, не подвергаемый критике и обструкции – будет постоянно присутствовать в публичном пространстве.

³³ В программах всех парламентских партий, за исключением «Единой России», присутствуют ксенофобные тезисы [Мукомель 2012].

³⁴ «Конструирование значений, артикулирование ценностей в ходе интерактивного общения, разговоров, непосредственных и косвенных дебатов (через средства массовой информации) между членами сообщества» [Штомпка 2012, с. 327].

Есть мнение, что «...не доверяя большинству государственных и общественных институтов, россияне ... демонстрируют интерес и реальную готовность к коллективным действия и самоорганизации. Начинают «просыпаться» молодежь и средние слои населения. То есть не все так мрачно...». Но востребуют ли они для реализации своих интересов демократические институты и процедуры, как констатирует «с известной долей уверенности» автор? [Петухов 2012, с. 287]. А если, напротив, проигнорируют?

Необходима продуманная и прозрачная политика противодействия интолерантности, включающая принятие соответствующей государственной программы, создание общественного контроля над функционированием социальных и политических институтов, призванных противодействовать ксенофобии. Только в этом случае можно поставить действенный барьер эскалации ненависти. Без институциональных преобразований, создания климата доверия ксенофобия будет оставаться не только продуктом, но и инструментом функционирования российского общества.

Литература

- Бауман З. (2005) Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос.
- Берг Михаил (2013) О Путинской норме // Эхо Москвы, 24 июня // <http://www.echo.msk.ru/blog/mberg/1101356-echo/>
- Бызов Л.Г. (2012) Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф.
- Бычкова Ольга (2013) Чтобы никаких сомнений // Эхо Москвы, 13 июня, 2013 // <http://www.echo.msk.ru/blog/bychkova/1094570-echo/>
- Верховский А. (ред.) (2007) Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2007 году // <http://xeno.sova-center.ru/29481C8/A91EC67>
- Верховский А. (1) (2013) Неонацизм в России // Эхо Москвы, 19 мая 2013 // <http://www.echo.msk.ru/programs/Scenario/1076272-echo/>
- Верховский А. (ред.) (2) (2013) Ультраправые на улицах: с плакатом за демократию или с ножом в кармане. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2012 году в России // <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2013/03/d26655/>
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2012) Доверие полиции: межстрановой анализ. Препринт WP3/2012/05. М.: НИУ ВШЭ.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. (2012) Российский рабочий: социально-политические ориентации // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф.
- Горшков М.К. (2010) Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф.
- Гудков Л. (1999) Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М.: Центр Карнеги.
- Гудков Л.Д. (2000) Чеченская война и «мы» // Неприкосновенный запас. № 5 (13).
- Гудков Л.Д. (2003) Массовая идентичность и институциональное насилие // Вестник общественного мнения. № 1 (67).
- Гудков Лев (2004) Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение.
- Гудков Л.Д. (2006) Россия для русских: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли мигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Гудков Лев (2012). Лев Гудков. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения, № 2 (112) апрель–июнь

- Гуриев С., Цывинский О. (2012) Россия – лидер по неравенству распределения богатства // Ведомости. 6 июня 2012.
- Дилигенский Г.Г. (1998) Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М.: Наука.
- Дробижина Л.М., Рыжова С.В. (2010) Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф.
- Дробижина Л.М. (2013) Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф.
- Заритовский А. (2009) Пассажиры метро избивали, крича «русские свиньи!» // Известия, 8 июня 2009.
- Зинченко Ю.П., Логинова А.В. (ред.) (2011) Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. М.: Федеральный институт развития.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2010) Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф.
- Козырева П.М., Гурко Т.А., Смирнов А.И., Воронин Г.Л. (2010) Роль семьи в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф.
- Константиновский Д.Л. (2010) Рабочая молодежь в российском обществе: ориентации, образование, человеческий капитал // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф.
- Лебедева Н.М. (1997) Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. докт. психол. наук. М.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. (2007) Ценности культуры и развитие общества. М.: ГУ ВШЭ.
- Лебедева Н.М. (2011) Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС Пресс.
- Левада Ю. (1994) Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Мониторинг общественного мнения. № 1.
- Левада Ю. (2000) От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований.
- Левада Ю. (2004) «Человек советский» – публичные лекции на «Полит.ру», 15 апреля, 2004 г. // <http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada/>
- Левада-Центр (2012) Общественное мнение-2012. М.: Левада-Центр.
- Левада-Центр (1) (2013). Россияне о миграции и межнациональной напряженности. Пресс-выпуск 5 ноября 2013 // <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>
- Левада-Центр (2) (2013). Медицина, образование и ЖКХ в представлении россиян. Пресс-выпуск 10 сентября 2013 // <http://www.levada.ru/10-09-2013/meditsina-obrazovanie-i-zhkkh-v-predstavlenii-rossiyan>
- Левада-Центр (3) (2013). Доверие институтам власти. Пресс-выпуск 7 октября 2013 // <http://www.levada.ru/07-10-2013/doverie-institutam-vlasti>
- Левада-Центр (4) (2013). Проблемы и тревоги россиян. Пресс-выпуск 3 сентября 2013 // <http://www.levada.ru/03-09-2013/problemy-i-trevogi-rossiyan>
- Левинсон А. (2009) Фашизм «в разумных пределах» // Искусство кино. № 5.
- Ленин В.И. (1919 [1970]) О государстве // Полн. собр. соч., т. 39 М.: Издательство политической литературы.
- Леонова А. (2004) Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // Вестник общественного мнения. № 4.

- Магун В., Руднев М. (2013) Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. № 3-4.
- МегаФОМ (2011) Проект ФОМСОЦ, опрос МегаФОМ, октябрь 2011 г. Общероссийский мегаопрос в 1364 населенных пунктах 49 субъектов РФ, 24500 респондентов, в каждом субъекте РФ - по 500 респондентов.
- Мукомель В.И. (2005) Миграционная политика России: постсоветские контексты / Институт социологии РАН. М.: Диполь-Т.
- Мукомель В.И. (2011) Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. № 1.
- Мукомель Владимир (2012) Миграционная риторика в программных документах политических партий. КАРИМ-Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции // http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-51.pdf
- Мукомель Владимир (1) (2013) Интеграция мигрантов: Российская Федерация. КАРИМ-Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции // http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-01_RU.pdf
- Мукомель Владимир (2) (2013) Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь / [В.И. Мукомель]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига.
- Осипов А. (2010) На пути к осмыслению проблем расизма // Расизм: современные западные подходы: сб. ст. / Пер. с англ., фр. Сост. А. Верховский, А. Осипов. М.: Центр «Сова».
- Паин Э.А. (2004) Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН.
- Петухов В.В. (2012) Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф.
- Путин В.В. (2007) Большая пресс-конференция президента России в Кремле // Известия. 1 февраля 2007.
- РИА-Новости (2013), 31 октября // <http://ria.ru/society/20131031/973443619.html>
- Росстат (2013) Распределение общего объема денежных доходов населения // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm
- Рыжова С.В. (2011) Этническая солидарность в контексте толерантности. М.: Альфа-М.
- Рубцов А. (2013) Философия опасности // Отечественные записки. № 2.
- Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. (2010) Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики. № 2.
- Сен А. (2004) Развитие как свобода. М.: Новое издательство.
- Солдатова Г.У., Макачук А.В. (2006) Тренинг по профилактике ксенофобии. М.: Генезис, // <http://psyfactor.org/lib/xenophobia2.htm>
- Твардовский А.Г., Гефтер М.Я. (2005) XX век. Голограммы поэта и историка / Сост. Е.И. Высочина. М.: Новый хронограф.
- Тихонова Н.Е. (2013) О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир.
- ФОМ (1) (2008) Межличностное и институциональное доверие. ФОМ, июль 2008 // <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0826/d082621>
- ФОМ (2) (2008) Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе. ФОМ, апрель 2008 // <http://bd.fom.ru/report/map/d081723>
- Хахулина Л. (2004) Субъективные оценки социального неравенства: результаты сравнительного международного исследования // Вестник общественного мнения. № 3.
- Храмов С. (2006) Россия ради русских // Агентство политических новостей // <http://www.apn.ru/opinions/article9693.htm>

- Шнирельман В.А. (2011) Советский парадокс: расизм в стране «дружбы народов»? // Антропология социальных перемен: сборник ст. / Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. М.: РОССПЭН.
- Штомпка П. (2012) Доверие – основа общества. М.: Логос.
- Эко Умберто (2000) Миграции, терпимость и нестерпимое // Пять эссе на темы этики. - СПб.: Симпозиум // http://royallib.ru/read/eko_umberto/pyat_esse_ne_temi_etiki.html#143360
- Явлинский Г.А., Космынин А.В. (2011) Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? (российское общество как процесс) // Мир России. № 2.
- CIA (2013) The World Factbook, Central Intelligence Agency // <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
- HPI (2012) The Happy Planet Index: 2012 Report, p. 25 // <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>
- OECD (2013) Better life Index // <http://www.oecdbetterlifeindex.org>
- Parekh Bhikhu (2008) A New Politics of Identity. Political Principles for an Interdependent World. N.Y., Palgrave Macmillan.
- UNDP (2013) International Human Development Indicators — UNDP // <http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/RUS.html>